

Бугаев Абдула Махмудович

кандидат исторических наук,
заведующий отделом гуманитарных исследований
Комплексного научно-исследовательского
института им. Х.И. Ибрагимова РАН

**ОБРАЗОВАНИЕ АВТОНОМИЙ
ГОРСКИХ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы национально-государственного строительства на Северном Кавказе в начале 20-х гг. прошлого столетия. Отмечается роль И. Сталина в создании так называемых «экспериментальных» многонациональных автономий, в частности Горской АССР.

Ключевые слова:

автономия, самоопределение народов, советская власть, национально-государственное строительство, съезды горских народов, образование Горской АССР.

Bugaev Abdula Makhmudovich

PhD in History,
Head of Humanitarian Studies the Department,
Complex Scientific Research Institute,
Russian Academy of Science

**ESTABLISHMENT OF
HIGHLAND NATIONS' AUTONOMIES
IN THE NORTHERN CAUCASUS:
STAGES OF DEVELOPMENT**

Summary:

The article discusses questions of nation and state formation in the Northern Caucasus in the early 1920-s. The author considers the role of I. Stalin in creation of so called "experimental" multi-national autonomes, in particular the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords:

autonomy, self-determination of nations, Soviet power, nation and state formation, congresses of highland nations, establishment of Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic.

Весной 1920 г. на Северном Кавказе наиболее активные очаги контрреволюции были подавлены. Однако борьба за умиротворение ситуации, ее удержание под контролем органов советской власти продолжалась и в новых условиях, далеко не мирных. Большевики, исходя из своих стратегических задач, предпринимали меры, направленные на установление и упрочение тесных связей между центром и окраинами страны. Подчеркивая важность этих факторов, И. Сталин отмечал: «Центральная Россия не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России, в свою очередь, обречены на неминуемую империалистическую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой центральной России» [1].

Положение осложнялось тем, что практически повсеместно царили анархия и хаос, а существующие острые проблемы носили масштабный характер, многие из них (например, взаимоотношения горцев и казачества) были тесно переплетены не только в общегорских рамках, но и не менее тесным образом в пределах всего южнороссийского региона. Естественно, вовлечение в процесс революционного переустройства народов, которые длительное время жили своей замкнутой национальной жизнью, для новой власти являлось задачей исключительно сложной.

Население Чечни, как и остальные горские народы, не скрывало, что готово поддержать власть большевиков, если она направит свои усилия на обеспечение межнационального мира, решит земельный вопрос, гарантирует свободу вероисповедания, неприкосновенность местных обычаев и традиций. Эти условия не выходили за рамки законных интересов и естественных национальных прав, официально признанных новой властью в своих же первых декларативных актах.

3 апреля 1920 г. в Грозном открылся «чеченский съезд». В его работе приняли участие С. Киров, Г. Орджоникидзе и другие официальные лица. В телеграмме от 6 апреля, направленной В.И. Ленину, утверждалось, что «настроение революционное и определенно советское», съезд чеченцев («со всех аулов, по три представителя от каждого») ... единогласно высказался за восстановление в Чечне соввласти и порядка и выразил желание скорейшего разрешения земельного вопроса» [2]. Как отмечал один из активных участников советского строительства на Северном Кавказе А.И. Микоян, «в связи с освобождением обширных территорий от белогвардейского ига Колчака и Деникина в 1920 г. ускоряется процесс самоопределения наций и возникновения автономных республик и областей» [3].

Национально-государственное строительство на Северном Кавказе сразу же после окончания гражданской войны было форсировано и рядом конкретных обстоятельств. При этом следует отметить, что право на самоопределение горцами рассматривалось как возможность сво-

бодного национального развития. Как известно, сфера национально-государственного строительства, особенно после установления советской власти на местах, являлась монополией И. Сталина. И он достаточно отчетливо понимал, что вопрос национального самоопределения на повестке дня стоит необратимо. Он был склонен, как и во всем, выстраивать строгую субординацию, иерархию подчиненности в соответствии с так называемым большевистским принципом демократического централизма. Для него лично национальный вопрос как таковой в рассматриваемое время, на наш взгляд, не был даже одним из главных, хотя публично он в этом никогда и не признавался. И с тех пор, как он стал «воспринимать» федерализм как приемлемую форму государственного обустройства, национальное самоопределение он сводил к «автономизации». В связи с этим он констатировал: «Единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами – областная автономия окраин, отличающаяся особым бытом и национальным составом. Автономия эта должна связать окраины России с центром узами федеративной связи» [4]. И лишь известные категоричные возражения В.И. Ленина вынуждали «главного специалиста по национальному вопросу» порою вносить соответствующие коррективы в свои проекты национально-государственного строительства.

Но при этом окончательно от пресловутого принципа и плана «автономизации» И. Сталин не отказался, о чем свидетельствует опыт создания советских многонациональных автономий, в том числе и горских народов Северного Кавказа. Более того, если судить о сталинских проектах строительства многонациональных автономных образований Горской и Дагестанской АССР, то очевидно, что он настойчиво претворял свой план «автономизации», создавая многонациональные (коллективные), многоуровневые (многоступенчатые) формы. Сталин, видимо, убежденно считал вполне достаточным для удовлетворения естественного права народов на самоопределение создание «автономии в автономии», образно говоря, по известному «принципу матрешки». Это давало ему возможность минимизировать численность национально-государственных образований, что вписывалось в его проекты централизации государственного управления, в том числе и народами, хотя и очевидно, что таким образом решение стратегически важной задачи превращалось в формальность.

В начале сентября 1920 г. в Баку прошел первый съезд народов Востока. На его повестке дня достаточно остро стоял вопрос о самоопределении народов, освобожденных от гнета царизма. В работе этого представительного форума приняла участие и чеченская делегация в составе 82 человек [5]. Состоялась достаточно острая дискуссия. Во-первых, прозвучало недовольство тем, что в отдельных местах чиновники, представляющие исполнительные органы новой власти, порою допускают проявления неуважительного отношения к религиозным и национальным обычаям и традициям мусульман: «...верования топчутся, ... не дают молиться, не дают хоронить умерших по нашим обычаям и религии» [6]. Во-вторых, было ответственно заявлено о том, что если «...с сегодняшнего знаменитого съезда ... советская власть...» будет «...проводить в отношении Востока определенную политику», то тогда мусульманские народы поддержат ее «...не только на бумаге, но и с оружием в руках ... совместно с пролетариатом и крестьянством России» [7].

Для вождей молодого советского государства прозвучал довольно серьезный сигнал. Видимо, поэтому Политбюро ЦК РКП (б) в спешном порядке созвало совещание с участием 27 делегатов Бакинского съезда народов Востока. Оно начало свою работу 13 октября 1920 г. Среди участников были и представители Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, Балкарии, Карачая. Как вспоминал впоследствии А.И. Микоян, под впечатлением сообщений делегатов форума В.И. Ленин в тот же день собственноручно написал проект постановления «по вопросу о задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами» [8]. А говоря об этом документе и, видимо, о настроении Владимира Ильича, А.И. Микоян заметил: «Здесь сквозит недовольство Ленина медленным ходом образования национальных автономий и неудовлетворительной работой Совета национальностей Наркомнаца» [9].

На второй день, 14 октября 1920 г., состоялось новое заседание Политбюро ЦК РКП (б). Был рассмотрен и утвержден проект, предложенный Лениным [10]. В принятом постановлении было признано «необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формам для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений...» [11].

Для И. Сталина главным в этом решении было не столько то, что предстояло «проведение автономии», сколько то, что будет оно осуществляться «в соответствующих конкретным условиям формам». И самое главное для него – он получил из рук руководящего партийного органа, даже можно сказать, из рук самого В. Ленина, карт-бланш, то есть право по своему личному усмотрению проектировать и осуществлять национально-государственное строительство, в том числе на Северном Кавказе.

И. Сталин, до осени 1920 г. лишь эпизодически, и то в силу вынужденной необходимости, занимавшийся горскими проблемами, именно на Северном Кавказе, где в этот период существовала наиболее серьезная угроза советской власти, полномасштабно осуществил эксперимент по «мини-автономизации», в результате чего и были созданы две многонациональные республики – Дагестанская и Горская АССР.

13 ноября 1920 г. И. Сталин выступил на съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре. При этом напомнил участникам форума о незавидном положении угнетенных народов до революции. «В прошлом, – заявил он, – Россия была Россией царей и палачей. ... Правительство России жило за счет соков, за счет сил угнетаемых им народов, в том числе и народа русского. Это было время, когда все народы проклинали Россию. Но теперь это время ушло в прошлое. Оно похоронено, и ему не воскреснуть никогда. ... Началась полоса раскрепощения ... народов, страдавших под игом царей и богачей, помещиков и фабрикантов» [12].

Поэтому народный комиссар по делам национальностей решение о создании автономии – национальной государственности – народов Дагестана преподнес как шаг, направленный на обеспечение его самоуправления «согласно своим особенностям, своему быту, обычаям». Зная, чем можно подкупить наивных горцев, он особо подчеркнул, что «советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию» [13]. И. Сталину, наверняка, было известно, что весной 1920 г. в Дагестане, да и вообще среди горских мусульман, самым популярным был лозунг: «Мечеть и суд Шейх-уль Исламу – остальное Советам» [14]. Именно в то время в отдельных округах Дагестана «кадии из бедноты объявили, что газават делает тот, кто работает и бьется за освобождение бедноты и что не может быть объявлен газават против тех, кто провозгласил свободу совести и вероисповедания» [15].

17 ноября во Владикавказе открылся съезд, на котором присутствовали более 500 делегатов от Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, Балкарии, Карачая, казачества, а также от иногороднего, в основном русского, населения. С докладом «О советской автономии Терской области» здесь выступил И. Сталин [16]. Он отметил, что «...съезд созван для того, чтобы объявить волю советского правительства об устройении жизни терских народов и об их отношениях к казакам» [17]. А далее, почти как в Дагестане, подчеркнул: «Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы-цари и угнетатели – царские генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России» [18]. Цель автономии, – как образно выразился И. Сталин, – научить горцев ходить на своих собственных ногах [19].

Горцам-мусульманам исключительно важно было услышать из уст самого Сталина об отношении советской власти к шариату. И он оправдал их ожидания, заявив: «Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату» [20].

Декрет ВЦИК об образовании Автономной Горской Социалистической Советской Республики был принят 20 января 1921 г. [21]. В ее состав были включены округа бывшей Терской области. В соответствии с этим новая республика была разделена на шесть административных округов, каждый со своим окружным исполнительным комитетом: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский и 6) Карачаевский. Города Владикавказ и Грозный (с нефтяными промыслами) были выделены в самостоятельные административные единицы. На них распространялась юрисдикция Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров (правительства) Горской АССР [22]. Местом дислокации органов власти новой республики стал Владикавказ.

В середине апреля 1921 г. состоялся учредительный съезд Горской АССР, призванный завершить организационный этап становления новой автономной республики. Решив вопросы формирования руководящих органов власти и управления, делегаты съезда приняли резолюции по вопросам землеустройства и о введении шариатского судопроизводства.

В области землеустройства съезд постановил:

- а) «для разрешения вопиющей нужды безземельных горцев» в срочном порядке, но планомерно, выселить казачьи станицы за пределы Горской АССР;
- б) при распределении земель руководствоваться принципом уравнительного землепользования;
- в) уничтожить чересполосицу, то есть восстановить целостность границ этнических территорий [23].

При рассмотрении вопроса об организации шариатского судопроизводства делегаты учредительного съезда, учитывая, что горские народности придают большое значение его положительному решению, постановили ввести в пределах Горской АССР «шариатское судопроизводство». При этом особо было отмечено, что оно «вводится в тех округах с мусульманским населением, где трудящиеся массы того пожелают, и существует наряду с народными судами единого

типа народных судов РСФСР». Было особо подчеркнуто, что шариатское судопроизводство должно существовать исключительно для мусульман. Наряду с этим съезд постановил «предоставить избирательное право на выборах наравне со всеми гражданам ГССР муллам, показывающим себя активными революционерами и защитниками трудящихся масс» [24].

Горская АССР просуществовала непродолжительное время. В июле 1924 г. она была упразднена. Однако в сложных условиях утверждения в регионе советской власти это региональное национально-территориальное образование сыграло важную роль ее форпоста.

Ссылки:

1. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. С. 39.
2. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. ист.). Ф. 80. Оп. 4. Д. 48. Л. 1.
3. РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 116. Л. 9.
4. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 40.
5. Первый съезд народов Востока. (Баку). 1–8 сентября 1920 г. Стенографические отчеты. Петроград ; Смольный. 1920. С. 5.
6. Там же. С. 91.
7. Там же.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 342.
9. РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 252. Л. 9.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 115. Л. 2–3.
11. Там же.
12. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. С. 394.
13. Там же. С. 395–396.
14. РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 130. Л. 8–9.
15. Там же.
16. Сталин И.В. Указ. соч. С. 399–407.
17. Там же. С. 403.
18. Там же. С. 404.
19. Там же.
20. Там же. С. 402.
21. СУ. 1921. № 6. 4 февр. С. 77–79.
22. Там же.
23. ГАРФ (Гос. арх. РФ). Ф. 1318. Оп. 6. Д. 6. Л. 4 об.
24. Там же. Л. 5.

References:

1. Gatagova, LS, Kosheleva, LP & Rogovaya, LA (comp.) 2005, *RCP (b) - VKP (b) and the national question, book. 1 1918-1933*, Moscow, pp 39.
2. *RGASPI (Ros. State. Arch. Socialist-watered. Ist.). f. 80, op. 4, d. 48, l. 1.*
3. *RGASPI. f. 64, op. 1, d. 116, l. 9.*
4. *Central Committee of the RCP (b) - VKP (b) and the national question, book. 1, p. 40.*
5. *First Congress of the Peoples of the East. (Baku). 1-8 September 1920 Verbatim records 1920, Petrograd; Smolny, p. 5.*
6. *First Congress of the Peoples of the East. (Baku). 1-8 September 1920 Verbatim records 1920, Petrograd; Smolny, p. 91.*
7. *First Congress of the Peoples of the East. (Baku). 1-8 September 1920 Verbatim records 1920, Petrograd; Smolny, p. 91.*
8. Lenin, VI, *Complete Works*, vol. 41, p. 342.
9. *RGASPI. f. 84, op. 3, d. 252, l. 9.*
10. *RGASPI. f. 17, op. 3, d. 115, l. 2-3.*
11. *RGASPI. f. 17, op. 3, d. 115, l. 2-3.*
12. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, p. 394.
13. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, pp. 395-396.
14. *RGASPI. f. 64, op. 1, d. 130, l. 8-9.*
15. *RGASPI. f. 64, op. 1, d. 130, l. 8-9.*
16. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, pp. 399-407.
17. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, p. 403.
18. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, p. 404.
19. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, p. 404.
20. Stalin, IV, *Works*, vol. 4, p. 402.
21. *SU 1921, no. 6, February 4, pp. 77-79.*
22. *SU 1921, no. 6, February 4, pp. 77-79.*
23. *GARF (State. Arch. Federation). f. 1318, inv. 6, d. 6, l. 4.*
24. *GARF (State. Arch. Federation). f. 1318, inv. 6, d. 6, l. 5.*